

УДК 93/94

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ДАГЕСТАНЕ И В ГОРСКИХ ОБЛАСТЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920–1930-е гг.)

А. Ю. Безугольный

Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба ВС РФ

В статье анализируются усилия партийно-советских и военных властей по организации национальных частей в горских регионах Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. в рамках общей государственной политики, получившей наименование «коренизация». С середины 1920-х гг. национальное военное строительство реализовывалось в рамках специальной Пятилетней программы. В результате настойчивых усилий, советская власть за два десятилетия преодолела путь, который царизм не решился даже начать, а именно – подготовила почву для массового призыва северокавказских горцев в армейские ряды и привлечения их к военной службе на общих с другими народами основаниях.

The article analyzes the efforts of the party and the Soviet military authorities on the organization of national units in the North Caucasus regions in 1920–1930s within the overall public policy called “korenizaciya”. From the mid-1920s national military construction was conducted in the framework of the special five-year program. As a result of the persistent policy of the establishment of the national units, the Soviet authorities in the two decades made what the tsarist government had not dared to make - paved the way for the mass appeal of the North Caucasian highlanders in the army.

Ключевые слова: национальное военное строительство; национальная политика; «коренизация»; Северный Кавказ; Дагестан; Пятилетняя программа национального военного строительства.

Keywords: national military construction; national policy; “korenizaciya”; North Caucasus; Daghestan; Five-year program.

Строительство национальных формирований РККА в 1920–1930-х гг. – один из своеобразных экспериментов, тесно связанный с общегосударственной политикой, получившей наименование «коренизация». Коренизация – политический курс, вышедший из бури Гражданской войны, победе в которой советская власть в немалой степени была обязана поддержке нерусских народов. Она предполагала приоритет интересов коренных этносов в национальных окраинах СССР над интересами неавтохтонного (чаще всего русского) населения, максимально широкую расстановку в национальных регионах местных кадров, организационное укрепление и укрупнение национальных автономий, бурный культурно-образовательный подъем и языковую эмансипацию национальных окраин.

Следует отметить, что особенностью национального военного строительства в национальных регионах страны было то, что в большинстве из них не существовало обязательного военного призыва и набор в армию длительное время был возможен только на добровольной основе. В этом отношении советское правительство продолжило политику царизма, предпочитавшего не призывать «инородческое население» вовсе, чем нести дополнительные издержки в виде сложной культурно-языковой и социальной адаптации нерусских контингентов к русскоязычной армейской среде.

В начале 1920-х гг. на Северном Кавказе национальное военное строительство было связано, прежде всего, с Дагестаном. Местные революционные элиты вышли из Гражданской войны наиболее консолидированными и организованными. Многочисленные дагестанские партизанские отряды сыграли большую роль в установлении советской власти в регионе и ее дальнейшем удержании во время крупного контрреволюционного восстания Н. Гоцинского (вторая половина 1920 – начало 1921 гг.). Для дагестанских большевиков национальные войска представлялись символом их революционной идентичности и первенства среди других горских народов.

Первые официальные мероприятия по формированию национальных частей в Дагестане были проведены весной 1921 г. 15 апреля 1921 г. состоялось совещание Дагестанского ревкома и командования Красной армии, посвященное вопросу реорганизации отрядов красных партизан, участвовавших в подавлении выступления Гоцинского. На совещании была озвучена общая численность и структура существовавших на тот момент партизанских отрядов: всего в 11 отрядах числилось 980 пеших и 950 конных партизан [1]. В решении совещания особо подчеркивалось, что переформированные партизанские отряды должны стать «ядром

будущих регулярных красных дагестанских войск» [1].

Развитием замысла регулярных дагестанских войск стало решение Дагревкома, изданное вскоре после совещания 21 апреля. 3 мая 1921 г. своим декретом, не дожидаясь согласования ответственных военных органов, Дагестанский ревком сформировал Отдельную Дагестанскую стрелковую дивизию [2]. Только постфактум, 22 мая 1921 г., находившиеся в Тифлисе член РВС Кавказского фронта Г.К. Орджоникидзе и командующий фронтом В.М. Гиттис разрешили сформировать в Дагестане собственное соединение – но не дивизию, а бригаду – и поручили это военному комиссару Дагреспублики. Согласно этому распоряжению в Дагбригаду были влиты наиболее отличившиеся в подавлении контрреволюции бедняки-дагестанцы.

Первоначальный штат бригады составлял 7374 чел. [3], однако, вскоре в ходе общего сокращения войск Красной армии, в том числе и войск СКВО, он был несколько сокращен – до 6905 чел. [4]

Согласно «Штатному и списочному состоянию войск РККА по мирному составу» по состоянию на 1 января 1922 г. Дагестанская бригада состояла из управления бригады с учреждениями, трех стрелковых полков (1, 2 и 3-го), кавалерийского полка, легкого артдивизиона и горной батареи. По списку в бригаде на тот момент числилось 3538 чел. Стрелковые полки содержались в большом некомплекте: по штату в них было 210 командных должностей, а занято было 136; из 186 административно-хозяйственных должностей было занято 27; из 5217 красноармейских – 1915; в стрелковых полках имелось только 142 лошади вместо 388 положенных по штату [4]. Кавалерийский полк был укомплектован значительно лучше: в нем числилось 20 командиров из 23 положенных по штату; 26 административно-хозяйственных работника из 30 и 452 кавалериста из 548 при 325 лошадях из 540 положенных по штату [4]. Артиллерийские подразделения и вовсе имели большой избыток личного состава всех категорий.

Части Дагбригады равномерно были распределены по территории всей республики. На 15 января 1922 г. штаб бригады и 2-го полка, а также 1-я батарея находились в Темир-Хан-Шуре, штаб 1-го полка и 2-я батарея – в Хунзахе, батальоны 1-го полка – в Хунзахе, Ботлихе и Гунибе; 1-й батальон 2-го полка – в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Дербенте, Гудермесе, штаб кавполка – в Боташ-Юрте, эскадроны кавполка – в Новом Аксае, Костеке, Байрам-ауле [5].

Большевистские лидеры Дагестана ходатайствовали перед военным командованием о комплектовании кавалерийского полка за счет добровольного набора из «политически благонадежной бедноты». Конский состав предлагалось изъять у зажиточных крестьян [6]. Стрелковые части формировались по смешанному принципу – «из призывных красноармейцев и командосостава, а также из поступавших добровольно местных национальностей, которые не обязаны несением военной службы» [7]. При этом дагестанские власти отнеслись с осторожностью к инициативе Юго-Восточного бюро РКП(б), которое в октябре 1922 г. выступило с предложением призыва горских народов, заявив, что не против лишь добровольной вербовки добровольцев [8].

В феврале 1922 г. командование Отдельной Дагестанской стрелковой бригады (командир А.-М.Г. Атаев, военный комиссар Сковородников, начальник политотдела Троянкин, начальник штаба Котельников, ссылаясь на традиционную любовь дагестанцев к коню, выступило перед штабом округа с инициативой переформировать стрелковую бригаду в двухполковую кавалерийскую бригаду (8 эскадронов) или шестиэскадронный кавалерийский полк. Командующий войсками СКВО К.Е. Ворошилов не удовлетворил этого ходатайства, но вышел на главкома РККА с предложением содержать Дагбригаду в составе трех полков: двух стрелковых и одного кавалерийского [9]. И уже в марте 1922 г. в официальных документах упоминается именно такой состав Дагестанской бригады.

16 июля 1922 г. Дагестанская бригада была развернута в стрелковую дивизию и получила номер, став *13-й стрелковой Дагестанской дивизией* (в составе 34, 37, 38, 39-го стрелковых полков и Отдельного кавалерийского эскадрона). Командиром дивизии в 1922 г. числился бывший командир Дагестанской бригады А.-М.Г. Атаев – 31-летний крестьянин Дагестанской области, с низким образованием, бывший офицер Дагестанского конного полка, а затем – коммунист и красный партизан [10].

От бригады дивизия унаследовала смешанный принцип комплектования стрелковых частей [11]. Стрелковые части в основном комплектовались славянскими контингентами, поступавшими из СКВО. В то же время особо подчеркивалось, что Отдельный кавалерийский эскадрон укомплектован за счет «добровольно поступавших туземцев-мусульман» [12]. Однако постепенно дагестанский личный состав из частей этой дивизии вымывался: уже в 1931 г., судя по спискам командного состава управления дивизии и входивших в ее состав полков, по крайней мере, среди командного состава не оставалось ни одного человека с дагестанской фамилией [13]. Образно говоря, 13-я Дагестанская дивизия стала тупиковой ветвью развития

национальных формирований.

В эти годы многие дагестанские части в течение короткого времени многократно переформировывались и переименовывались. Типичная судьба одного из полков, сформированных вскоре после вступления Красной армии на территорию Дагестана, отражена в его многочисленных и разнообразных названиях: 25 мая 1920 г. был сформирован Отряд особого назначения войск внутренней охраны ВОХР при Дагестанской областной ЧК. 20 декабря 1920 г. отряд переформирован в Караульный Темирханшуринский батальон. В начале января 1921 г. батальон развернут в караульный полк. 12 января 1921 г. он переименован в 6-й Дагестанский полк, а 20 января 1921 г. – распоряжением из центра – вновь переформирован и переименован в 126-й полк внутренней службы (ВНУС). Однако уже 1 марта 1921 г. приказом Кавфронта 126-й полк ВНУС переименован в 1-й Дагестанский стрелковый полк, а тот, в свою очередь, 1 апреля 1921 г. – в 331-й стрелковый полк 3-й стрелковой бригады. 27 мая 1921 г. часть снова стала именоваться 1-м Дагестанским стрелковым полком Отдельной Дагестанской стрелковой бригады. Наконец, 20 июля 1922 г. часть была переформирована в 37-й стрелковый полк 13-й Дагестанской стрелковой дивизии. Таким образом, за два года одна и та же часть была переформирована и переименована девять раз! Нельзя не обратить внимания на то, что полк трижды приобретал национальное имя «Дагестанский» и трижды, лишался его, становясь номерным. В этом процессе наглядно отразилась борьба (с переменным успехом) дагестанских властей за сохранение собственных вооруженных сил.

После прошедшего в апреле 1923 г. XII съезда РКП(б), объявившего приоритетный курс на развитие национальных кадров, в том числе и в военной сфере, дагестанское руководство особенно приободрилось. Интересный срез национальных приоритетов дагестанских большевиков дают материалы стенографического отчета IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, посвященного в основном разбору дела татарского революционного деятеля М.Х. Султан-Галиева, проходившего в июне 1923 г. Помимо вопросов, связанных непосредственно с делом Султан-Галиева, приглашенные на совещание региональные лидеры (Д. Коркмасов и Н. Самурский) использовали общесоюзную трибуну для формулировки собственных требований к союзному центру. Дагестанские большевики – единственные из представителей национальных окраин – подробно изложили свой взгляд на перспективы национального военного строительства, отводя ему значение «основного вопроса для восточных республик» и роль «единственной школы, через которую мы сможем провести наши отсталые малосознательные элементы» [14].

Потеряв «свою» воинскую часть в лице 13-й Дагестанской стрелковой дивизии, в июне 1923 г. Дагестанский обком ВКП(б) убедил Реввоенсовет СССР в необходимости «в ближайшее время развернуть работу по формированию одного конного полка в Дагестане». 12 ноября 1923 г. РВС СССР принял решение о создании на территории автономной республики кавалерийского полка. Однако его формирование вскоре было свернуто до кавалерийского эскадрона (командир – Мурсалов). Этот эскадрон просуществовал до 1925 г. [15].

Эскадрон был укомплектован добровольцами, завербованными Дагестанским облвоенкоматом [16], общей численностью: людей – 135, лошадей – 134 [17]. Подавляющая масса личного состава (133 чел.) являлись крестьянами, больше половины из них – батраками, все – представителями дагестанских народов. Из них 126 человек являлись участниками Гражданской войны, это означало, что красным партизанам отдавался безусловный приоритет при укомплектовании эскадрона. 34 человек являлись грамотными. Четверо – членами РКП(б) и 20 человек – членами РКСМ [18].

Эскадрон напрямую был подчинен штабу СКВО, однако на штаб и политотдел 13-й стрелковой дивизии, «как наиболее близко расположенных», было «возложено наблюдение и политобслуживание кавэскадрона» [19]. Но и дагестанское руководство не ослабляло своей опеки над национальным подразделением. В феврале 1925 г., характеризуя развитие национальных частей в целом, заместитель начальника Политуправления РККА М.М. Ланда подчеркнул это синкретичное единство: «В Дагестане связь Дагестанского обкома с Дагкавэскадром очень тесная и до осени 1924 г. обком непосредственно руководил работой в эскадроне. С передачей эскадрона в политобслуживание политотдела 13-й дивизии заинтересованность и связь все же осталась тесной, причем, партпросвещение проводится под совместным руководством обкома и подива*. Интерес населения к нацформированиям значительный» [20].

Опыт национального эскадрона был признан удачным. С учетом многоязычия Дагестана решено было отдавать предпочтение лицам, знавшим аварский или кумыкский языки, постепенно расширяя прием за счет тюркоязычных жителей Южного Дагестана. В части культурно-воспитательной работы эскадрон курировался политотделом 13-й стрелковой дивизии [21].

На 1925/1926 бюджетный год (исчислялся с 1 октября) планировалось создание 2-го от-

* Подив – политотдел дивизии.

дельного Дагестанского эскадрона.

Между тем, уже в конце ноября 1923 г. начались первые обсуждения национальных формирований на Северном Кавказе в рамках общесоюзной программы, вскоре принятой советским правительством и известной как Пятилетняя программа национального строительства в РККА. На уровне Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа вопрос о нацформированиях впервые рассматривался на окружном совещании военных комиссаров 9 ноября 1923 г., когда были намечены первые контуры будущих национальных подразделений для каждой из национальных автономий. Расчет строился, исходя из понимания военными степени «зрелости» того или иного народа к военной службе и его демографических ресурсов. В частности, в Дагестане предлагалось иметь кавдивизион двухэскадронного состава, в Чечне и Кабардино-Балкарии – по кавэскадрону, в Осетии и Ингушетии, Карачаево-Черкесии и Адыге-Черкесской области – по полуэскадрону [22]. В конечном итоге планировалось развернуть горские части в два кавалерийских полка (одну бригаду) [23]. Интересно отметить, что в своем личном дневнике за несколько дней до открытия совещания, 3 ноября 1923 г., командующий войсками СКВО К.Е. Ворошилов сделал совсем иной расчет национальных формирований: «Дагестан – 2 кавалерийских полка; Чечня – 1 кавалерийский полк; Горская республика – 2 кавалерийских полка; Кабардино-Балкарская область – 1 кавалерийский полк; Карачай и Черкесско-Адыгейская область – 1 кавалерийский полк. Всего – 7 кавалерийских полков» [24]. Однако на совещание был вынесен значительно более скромный план, как более реалистичный и отвечающий имевшимся ресурсам.

Согласно Пятилетней программе к концу ее реализации (к исходу 1929/1930 бюджетного года) на Северном Кавказе полагалось иметь один национальный кавалерийский полк. Но уже 20 апреля 1925 г. в упомянутом выше докладе наркомвоенмору М.В. Фрунзе командующий войсками СКВО И.Е. Уборевич делал вывод о том, что состояние людских ресурсов допускает возможность формирования и территориальной (т.е. сокращенного штата) кавалерийской дивизии, что и было вскоре утверждено.

Детальный план реализации Пятилетней программы в СКВО был утвержден 1 октября 1925 г. В нем предусматривалось постепенное налаживание учета и разворачивание призыва среди горцев с одновременным наращиванием количества и численности национальных формирований. Так, к 1 апреля 1927 г. предусматривалось наладить учет военнообязанных в национальных областях; к 1 октября 1927 г. надлежало свести два дагестанских эскадрона в один дивизион; к 1 октября 1928 г. следовало сформировать управление пяти территориальных национальных кавалерийских полков, сформировать управление сводной территориальной дивизии шестиполкового состава и одновременно начать призыв горцев в армию на общих основаниях; с 1 октября 1929 г. Дагестанский нацкавполк полного состава разворачивался в два полка, формировались управления трех кавалерийских бригад в Дагестане, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии; с 1 октября 1930 г. начиналось формирование четырех батальонов артдивизиона и одного саперного эскадрона. Кавалерийским полкам четырехэскадронного состава был определен штат в 314 человек кадрового состава и 822 человек – переменного (призываемого на краткосрочные сборы) [25].

Всего с 1925 по 1930 г. включительно через национальные части предполагалось пропустить 2786 военнослужащих кадрового состава и 6541 человека переменного состава [26]. Штатная численность кавалерийской дивизии горских национальностей была определена в 2218 человек [27].

Первым шагом на пути реализации положений Пятилетней программы на Северном Кавказе стало формирование в течение 1925/1926 бюджетного года новых горских подразделений: 2-го отдельного Дагестанского эскадрона, а также шести отдельных взводов – по одному в каждой автономной области – Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыге-Черкесии. Штат взводов (именовавшихся также учебно-кадровыми полуэскадронами) определялся в 40 человек и 41 лошадь каждый [28].

В 1926 г. дагестанские кавалерийские эскадроны были объединены в Дагестанский национальный кавалерийский дивизион. Инспекция дивизиона в феврале 1926 г. показала в целом высокую дисциплину личного состава, хорошее физическое состояние лошадей и качественный уход за ними. Правда, комполитсостав и младший начальствующий состав, хотя и располагал большим практическим опытом Гражданской войны, имел слабые теоретические знания в военном деле [29].

В конце 1929 г. Штабом РККА было принято решение о сведении Дагестанского кавдивизиона и шести отдельных национальных взводов воедино и развертывании их в кадровую часть со штабом в Пятигорске. При этом длительное время полк продолжал быть разбросанным буквально по всей территории северокавказских автономий отдельными взводами [30]. Эта особенность дислокации была связана с обязательной территориальной привязкой нацио-

нальных подразделений к собственному региону.

На 1 января 1930 г. Отдельный кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа (в документах он часто именовался сокращенно – Горский полк или Нацкавполк) насчитывал 671 бойца и командира. Не все они относились к горским национальностям. Распределение личного состава по национальностям и иным значимым социально-демографическим характеристикам показано в таблице.

Национальный состав Горского полка на 1 января 1930 г. [31]

	Командно-начальствующий состав	Младший начальствующий состав	Рядовой состав
Аварцы	4	10	86
Даргинцы	1	7	47
Лезгины	2	5	39
Осетины	1	6	32
Ингуши	1	4	34
Адыгейцы	1	2	35
Лакцы	–	5	30
Чечены	–	3	33
Кабардинцы	–	2	27
Карачаевцы	1	1	10
Андийцы	–	4	13
Балкарцы	–	–	6
Прочие	10	82	127
Всего	21	82	519

В категорию «прочие» были отнесены, главным образом, русские и украинцы. Таким образом, горцы занимали 75.8% должностей рядового состава, 59.8% младшего начальствующего и 52.4% командно-начальствующего состава.

Одной из самых острых проблем, существенно сдерживавших темпы и масштабы национального военного строительства, в 1920-е гг. была нехватка национальных командных кадров. 16 августа 1924 г. на основании приказа СКВО № 591/102 была сформирована Кавалерийская школа горских национальностей Северного Кавказа [32]. Первым начальником школы стал опытный кавалерист Л.Я. Вайнер (1897–1937), в годы Гражданской войны – командир Особой кавалерийской бригады 1-й Конной армии. Школа просуществовала до 1935 г. и выпустила несколько сотен командиров разных национальностей, в том числе и горских.

В 1920–1930-е гг. северокавказские национальные подразделения и курсанты кавалерийской школы, несмотря на мирное время, получили немалый боевой опыт, участвуя в разного рода оперативно-чекистских мероприятиях на территории горских автономий Северного Кавказа – операциях по разоружению в Дагестане и Чечне, подавлению восстаний в Чечне и Карачае и т.п. [33]. Национальные части, несмотря на свою малочисленность, почти ежегодно использовались во многих крупных войсковых операциях. А к борьбе с повстанчеством и бандитизмом в Чечне он привлекался настолько часто, что даже планировалось разместить штаб Нацполка в Грозном, однако из-за отсутствия достаточного числа конюшен от этой идеи отказались [34]. Точно так же в борьбе с басмачеством в Средне-Азиатском военном округе использовались местные национальные формирования. Считалось, что это способствует повышению политико-морального состояния и мотивации бойцов-националов [35].

К середине 1930-х гг. Нацкавполк достиг достаточно высоких результатов в боевой подготовке. Командующий войсками СКВО Н.Д. Каширин сообщал на Военном совете при НКЮ в декабре 1935 г., как присутствовавший на больших учениях войск округа германский атташе, «восхищался конницей и особенно контратаками национального кавалерийского полка», а помощник военного атташе Чехословакии «был поражен лихостью атаки» полка [36]. Высоких оценок добилась национальная часть и на окружных учениях 1936 г. [37]

В 1935–1936 гг. в рамках крупных организационных мероприятий стратегическая конница РККА достигла своего максимума численности в мирное время [38]. В рамках оргмероприятий по наращиванию стратегической конницы государство обратилось к использованию до сих пор недостаточно востребованного ресурса – казачества, которое прежде считалось контрреволюционной силой и призывалось в армию ограниченно. 21 апреля 1936 г. приказом НКЮ № 061 четыре кавалерийские дивизии переименовывались в казачьи, заново формировалась еще одна дивизия. Данный приказ напрямую затронул и горские формирования, поскольку было предписано «исключить из состава частей 10-й Терско-Ставропольской казачьей дивизии все эскадроны горских национальностей и сформировать из них отдельный кавале-

лерийский полк горских национальностей с дислоцированием штаба полка в г. Нальчике». Новый полк и существующий полк горских национальностей с дислокацией в г. Орджоникидзе (Владикавказ) – Махачкала, согласно этому же приказу, надлежало «объединить в отдельную кавалерийскую бригаду горских национальностей со штабом бригады в г. Орджоникидзе».

Отдельная территориальная кавалерийская бригада горских национальностей Северного Кавказа, просуществовавшая до 1938 г. как национальное соединение и до декабря 1939 г. – как обычное кавалерийское соединение, стала самым крупным в межвоенный период соединением, укомплектованным горскими контингентами. Бригада содержалась в двухполковом составе: 126-й кавалерийский полк (командир – майор А.К. Звайгзнен); 127-й (бывший Отдельный сводный Горских национальностей – Нацкавполк) кавалерийский полк (до марта 1937 г. командир – Н.А. Дедаев, затем – М.М. Тлепшуков).

Бригада была сформирована в течение ноября и декабря 1936 г. [39, л. 8]. Одновременно к 1 января 1937 г. были сформированы две полковые школы для подготовки младшего командного состава и учебная батарея Отдельного конартдивизиона. В сопроводительной записке к отчету о наборе в полковые школы с удовлетворением сообщалось, что в текущем году удалось набрать курсантский состав с высоким образовательным цензом – не ниже пяти классов, а 30–40% курсантов свободно владело русским языком. И тот и другой показатель были достигнуты впервые [39, л. 12].

По состоянию на конец декабря 1936 г., в составе бригады числилось: лиц комсостава – 88 человек, начсостава – 70, младшего комсостава – 146, младшего начсостава – 67, рядового состава – 705 человек, всего – 1076 человек [39, л. 6]. Ежегодно кадровый красноармейский и младший командно-начальствующий состав обновлялся за счет призыва примерно наполовину.

На период сборов, которые бригада проводила в летних лагерях, в ее расположение прибывали так называемые переменники – лица призывного возраста из республик Северного Кавказа. В течение 1937 г. такие сборы проводились трижды: в конце апреля – начале мая, в конце мая – июне и в сентябре. За переменниками в районы комплектования выезжали командиры, политработники и ветработники, на местах проводившие тщательную работу по отбору людей и лошадей, сопровождению их в районные сборные пункты. Следует отметить, что местные власти старались как можно более торжественно организовать проводы своих молодых парней в армию. А переменникам Карачая и ряда районов Дагестана даже была пошита специальная национальная форма. Вследствие этого попыток уклонения от прохождения сборов было немного. Например, от майских сборов 1937 г. уклонилось 3 человека из 857, от сентябрьских – 6 человек из 1200 [39, л. 50, 216].

Уровень грамотности переменного состава был, как правило, существенно ниже, чем у кадрового состава. Так, из прибывших на сентябрьские сборы 1937 г. из 1200 переменников числилось 88 неграмотных и 749 малограмотных. Ситуация с низким уровнем грамотности переменников не устраивала руководство бригады, и после сборов оно «крепко сигнализировало» специальными письмами на имя секретарей обкомов, требуя исправить ситуацию [39, л. 216].

Комсомольская прослойка личного состава бригады в 1937 г. достигала 36%. По социальному положению – 7% рабочих, 5% служащих и 88% колхозников [39, л. 217]. 70% переменного состава службы в армии до этого не проходили.

Необходимо отметить, что по итогам изучения большого массива документов особого отдела НКВД и политотдела бригады, в которых обязательно фиксировались любые происшествия в частях, выявлен лишь один случай открытого проявления шовинизма со стороны русского младшего командира, выразившегося в некорректном высказывании в адрес бойцов-аварцев [40, л. 50–54]. На межнациональной почве также состоялась драка с поножовщиной между двумя курсантами полковой школы, один из которых был кумыком, другой – осетином. В обоих случаях дело закончилось внутренним разбирательством, виновники были наказаны в дисциплинарном порядке [40, л. 60–69]. Таким образом, межнациональные отношения в бригаде, несмотря на ее многонациональный состав, были здоровыми.

Как и все прочие национальные части и соединения РККА, Отдельная территориальная кавалерийская бригада горских национальностей Северного Кавказа прекратила свое существование после издания 7 марта 1938 г. совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА». Упразднение национальных частей произошло в рамках общей реформы комплектования РККА, когда был введен всеобщий призыв и экстерриториальное (т.е. вне региона призыва) распределение военнообязанных. Это позволяло создавать крупные группировки войск вне зависимости от плотности населения. Территориальные войска, частью которых были национальные формирования, ориентированные на призывы в войсковые части местного населения на кратковременные сборы, больше не отве-

чали требованиям момента и были упразднены.

В течение весны и лета 1938 г. горская национальная часть была реформирована в «общесоюзную» 3-ю отдельную кавалерийскую бригаду. Командный и политический состав был переведен для продолжения службы в западные военные округа – Киевский, Белорусский, Ленинградский. Рядовой состав был полностью заменен осенью 1938 г., с новым пополнением, в основном славянским [41].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борьба за установление и упрочнение советской власти в Дагестане. 1917–1921 гг. М., 1958. С. 493, 494.
2. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 54. Оп. 1. Д. 103 Л. 111.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 22. Д. 81. Л. 6.
4. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 38. Л. 123.
5. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 83. Л. 2 об – 3.
6. РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 178. Л. 2.
7. Там же. Ф. 54. Оп. 1 Д. 103. Л. 114.
8. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 55. Л. 35.
9. РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 1061. Л. 503.
10. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 22. Д. 81. Л. 55; Д. 83. Л. 43.
11. РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 103 Л. 111.
12. Там же. Л. 122.
13. Там же. Ф. 33279. Оп 1. Д. 2. Л. 1–36.
14. Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. С. 194.
15. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 218. Л. 12.
16. Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 103. Л. 100.
17. Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 20.
18. Там же. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 593. Л. 19.
19. Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 44 об.
20. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 61.
21. Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 10. Л. 42.
22. Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 218. Л. 12.
23. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 81. Л. 134.
24. Там же. Л. 135.
25. Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 24.
26. Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 218. Л. 20.
27. Там же. Д. 501. Л. 66 об.
28. Там же. Ф. 31899. Оп. 4. Д. 203. Л. 20.
29. Там же. Д. 167. Л. 10.
30. Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 179. Л. 4.
31. Там же. Ф. 54. Оп. 4. Д. 74. Л. 179.
32. Там же. Д. 103. Л. 176.
33. РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 348. Л. 270–275; Д. 316 Л. 8; Д. 496. Л. 1.
34. Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 129. Л. 5.
35. Там же. Ф. 54. Оп. 4. Д. 74. Л. 148.
36. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 112.
37. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. М., 2009. С. 91–92.
38. РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1485.
39. Там же. Ф. 40714. Оп 1. Д. 5. Л. 6, 8, 12, 50, 216, 217.
40. Там же. Д. 3. Л. 50–54, 60–69.
41. Там же. Д. 10. Л. 185.

*Поступила в редакцию 02.07.2014 г.
Принята к печати 24.12.2014 г.*